

Курманжан Датка

135 лет назад, в июле–августе 1876 года, состоялся так называемый Алайский поход, завершившийся присоединением к Российской империи южной части современного **Кыргызстана**. В своем донесении от 23 октября 1876 года командующему войсками Туркестанского военного округа командир Алайского отряда генерал-майор Михаил Дмитриевич Скобелев, в будущем знаменитый русский полководец, прославленный «белый генерал», докладывая о результатах своей «военно-научной» экспедиции, писал: «Каракиргизы, населяющие горную полосу, приведены в покорность, между ними учреждено русское управление... Отныне эти кочевники, не признававшие ничьей власти, русские поданные. Выяснилось положение наше на Кашгарской границе. Покончены недоразумения с Каратигеном. Открыты совершенно неведомые европейцам страны, причем нанесено на карту около 25 тысяч квадратных верст».

В Алайском походе в полной мере нашел свое отражение «добровольно-принудительный» характер присоединения Средней Азии к Российской империи – там, где это было возможно, имперские власти старались избегать применения силы, действуя главным образом с помощью «пряника», то есть стараясь убедить население будущих колониальных владений в неизмеримых выгодах от пребывания в сфере российского влияния. Но с середины 60-х годов XIX века возобладала гораздо более «жесткая» линия: как только достижение главной цели – установление полного российского господства – встречало хоть малейшее сопротивление, на «непокорных» обрушивались жесточайшие удары, дабы разъяснить «неразумным туземцам» всю бессмысленность сопротивления. И надо признать, что в конечном итоге подобная тактика, основанная, конечно же, в первую очередь, на огромном военном превосходстве России, сработала – постепенно все больше представителей местной элиты были вынуждены признать неизбежность и даже «благодетельность» перехода своих народов под власть российской короны.

Об этом, в частности, свидетельствует и жизненный путь такой яркой и уникальной исторической личности, как Курманжан-датка (1811–1907), прозванной «Алайской царицей».

«Алайская царица»

После взятия Ташкента русскими войсками (1865) в непосредственном подчинении у кокандских ханов осталась только Ферганская долина. Правда, чисто формально суверенитет Коканда распространялся и на горные районы южной Киргизии – Алайскую долину. Однако воинственное кочевое население этих районов (в России их называли «каракиргизами» и «кипчаками») по существу Коканду никогда не подчинялось. Более того, довольно часто совершало набеги на равнинные кокандские земли. Коканд регулярно посылал против алайцев войска, но каждый раз эти карательные экспедиции терпели неудачу, натолкнувшись на упорнейшее сопротивление горцев.

В конце концов кокандские ханы были вынуждены смириться с реальной независимостью горного края и фактически признать сложившееся здесь своеобразное патриархальное государство во главе женщиной-правительницей – редчайшая для исламского Востока ситуация!

Звали эту женщину Курманжан. Она родилась в семье простого кочевника из рода Монгуш. На 18-м году жизни ее выдали замуж за человека, которого она впервые увидела в день свадьбы. Он ей не понравился, и она, вопреки обычаям, не пошла к мужу, а осталась в Юрте отца. В 1832 году

алайский феодал Алимбек, получивший от кокандского хана титул «датки» (правителя) всех киргизов Алая, освободил ее от брачного соглашения и сам женился на ней. Из-за частого отсутствия мужа (он стал приближенным кокандского хана, а затем и первым визирем) Курманжан, по сути, управляла Алаем. После смерти Алимбека, павшего жертвой дворцового заговора в Коканде (1862), она открыто взяла власть в свои руки. Однако кокандский хан Худояр объявил алайских киргизов своими подданными и обложил их податью, что было совершенно неприемлемо для кочевников, никогда и никому ничего не плативших. Курманжан воспротивилась этому и в результате упорной борьбы добилась успеха. Сначала ее признал бухарский эмир Музаффар, а потом и сам Худояр-хан. Ей было присвоено почетное звание датки «с надлежащим ярлыком и подарками». Она стала единственной женщиной, удостоившейся торжественного приема во дворце бухарского эмира.

Курманжан-датка

Курманжан-датка очень быстро приобрела репутацию мудрейшей правительницы, успешно урегулировала родовые споры горных киргизов, вела независимую от Кокандского ханства политику. Эта незаурядная женщина прекрасно понимала значение Великого Шелкового пути и организовала что-то вроде таможи: вначале посылая своих людей навстречу каравану для устрашения, а затем, когда купцы обращались к ней, как к правительнице, за помощью и защитой, Курманжан называла свою цену безопасного следования путешественников. Ей помогали сыновья - Абдуллабек, Мамытбек, Камчибек и Асанбек, а также племянник Мирза-Паяс. Каждый из них управлял частью киргизских кочевий на Алае.

Крушение Кокандского царства

Между тем, в самом Кокандском ханстве назревал социальный взрыв. Потеря территорий, захваченных русскими войсками, вызвала сокращение доходов казны, что побуждало хана Худояра увеличить размер налогов с оставшегося населения. Сбор налогов сопровождался чудовищным произволом, превращавшим «финансовую политику» ханских властей в откровенный грабёж. К тому же не прекращались бесконечные кровавые родоплеменные и дворцовые междоусобицы, разорявшие экономику края и уносившие множество человеческих жизней.

Все это, в конце концов, привело к народному восстанию (1873) против хана Худояра на юго-востоке Коканда, а затем по всей Ферганской долине. Основной движущей силой восстания были социальные низы – киргизы-кочевники и узбеки-земледельцы.

Интересно, что в роли своего защитника от ханского насилия значительная часть восставших видела Россию. Еще в начале восстания, в ноябре 1873 года, депутация кокандских киргизов представила российской администрации Туркестанского края список из 42 киргизских родов, члены которых выражали желание принять российское подданство. Весной 1874 года группа восставших во главе с киргизом Мамыром обратилась к генерал-губернатору Туркестана Константину Петровичу Кауфману с просьбой принять их в российское подданство. В апреле того же года восставшие киргизы, число которых составляло, по их собственному подсчету, более 200 тысяч, в

письме, адресованном российскому подданному Журабеку (бывшему в близких отношениях с Кауфманом и владевшему русским языком), просили его ходатайствовать о принятии их в подданство России.

Повстанцы, в частности, писали: «Как Вам известно, все киргизы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худояр-хана. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то сажание на кол, которым подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками, принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его рода... Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии Его Превосходительства мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие».

Когда лидером восставших стал мулла Исхак Хасан-уулу (по происхождению киргиз из племени бостон), назвавшийся Пулатханом - внуком покойного кокандского хана Алима, - он тоже пытался установить связи с туркестанской колониальной администрацией и направил своих посланцев к генерал-губернатору. Однако российские власти арестовали его делегацию.

Так что напрасно восставшие ожидали от России поддержки. Согласно договору от 1868 года, Петербург обязался оказывать помощь «законной власти», а в качестве таковой он признавал сначала хана Худояра, а потом его наследника Насреддина. С осени 1875 года российская администрация стала открыто защищать кокандского хана, послав ему на помощь войска. Еще недавно просившие российского подданства «туземцы» с недоумением следили за продвижением русских отрядов.

Генерал-адъютант фельдмаршал Кауфманъ I, главнокомандующій казанской окрестности.
(Рис. И. Вроль, 1910. Л. А. Серафимов).

К.П.Кауфман

Курманжан-датка изначально симпатизировала восставшим и, в общем, с сочувствием относилась к их обращениям за помощью к России. Однако после решительного вмешательства российских войск в кокандские дела «алайская царица» изменила свое отношение к российской политике, не препятствуя своему старшему сыну Абдуллабеку стать одним из активнейших союзников «киргизского Пугачева» - лже-Пулатхана. Последний же объявил России газават (священную войну), и повстанцы стали все чаще нападать не только на русских солдат собственно в Кокандском ханстве, но и вторгаться в пределы генерал-губернаторства. Так, например, один из отрядов вышел на ташкентско-

ходжентский тракт, где принялся жечь почтовые станции, захватывая в плен ямщиков и проезжающих. Да и вообще, восстание стало приобретать открыто антирусский характер. Жестокости, учинявшиеся российскими войсками при подавлении восстания, «уравновешивались» всевозможными зверствами в отношении русских военнопленных и поселенцев.

Впрочем, российское вмешательство не спасло кокандских ханов: в июле 1875 года, при приближении повстанческих отрядов к Коканду, Худоярхан, преданный собственным войском, бежал под защиту российских властей. В октябре та же участь постигла его сына и наследника Насреддина. Предводительствуемые «Пулатханом» повстанцы захватили Наманган, и русский гарнизон, укрывшись в цитадели, едва смог отбить штурм. В ответ в район Намангана были переброшены новые русские войска во главе с тогда еще полковником Скобелевым. Его Наманганский отряд стал совершать отчаянные рейды в различные районы ханства, повсеместно громя повстанцев.

«Пулатхан» пытался противостоять наступлению царских войск, однако потерпел поражение под Андижаном и под Асакой. Отойдя с пятью тысячами воинов к Уч-Коргону, он был настигнут отрядом барона Меллер-Закомельского, неожиданно напавшего на повстанческий лагерь. «Пулатхану», однако, удалось бежать на Алай. По его следам шел отряд Меллер-Закомельского. Между кишлаками Караянтаком и Капрабатом русские настигли обоз повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены», - рапортовали царские каратели.

В январе 1876 года Кауфман смог добиться в обход министерства иностранных дел санкции императора на полную ликвидацию Кокандского ханства, о восстановлении на престоле Худояра или Насреддина даже не помышляли. Скобелев, стоявший в Намангане, получил от генерала Троцкого телеграмму с приказом двигаться на Коканд и припиской «Миша, не зевай!». Отряд Скобелева, пройдя за день более 80 километров, почти без боя занял Коканд. Указом от 19 февраля 1876 года Кокандское ханство было ликвидировано и под именем Ферганской области включено в Туркестанское генерал-губернаторство. Первым военным губернатором новой области был назначен теперь уже генерал-майор М.Д.Скобелев.

А «Пулатхан» в ночь с 18 на 19 февраля был схвачен своими же соратниками и выдан российским властям. Причастный ко многим жестокостям этот «киргизский Пугачев» был повешен 1 марта 1876 года на городской площади Маргелана - там, где он расправлялся с русскими пленными.

«Непременно особая экспедиция»

Но оставался еще непокорный Алай. В военных действиях здешнее население почти не участвовало, а потому ему и не пришлось испытать сколько-нибудь чувствительных ударов русской армии. Отчасти поэтому, отчасти из-за уверенности в недоступности своих кочевков среди горных ущелий Алая «каракиргизы» не видели в утверждении российского владычества в Ферганской долине особой угрозы.

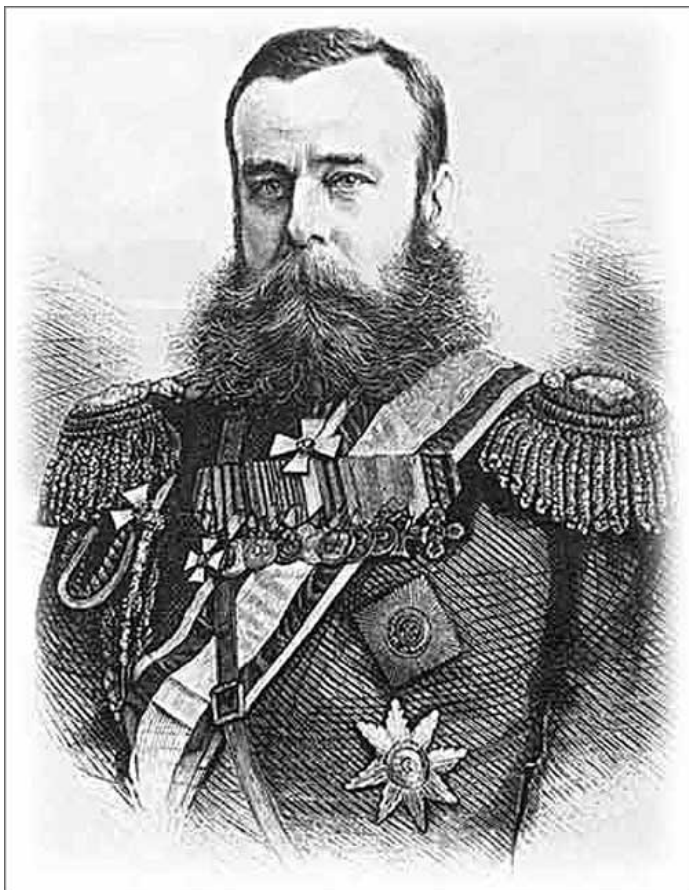
У местной же элиты не было единой позиции по вопросу о взаимоотношениях с Россией. Племянник Курманжан-датки Мирза-Паяс относился к своего рода «партии мира» — предлагал вступить в переговоры с Кауфманом. А вот «партию войны» возглавлял Абдуллабек. Его активнейшим образом поддерживали беженцы из Ферганской долины. Сама же Курманжан-датка с частью рядовых кочевников предпочла откочевать как можно дальше от русских войск — к границе с Кашгаром.

В начале апреля 1876 года отряд Абдуллабека из 1500 джигитов занял труднодоступные позиции в высокогорной местности Жанырык в 25 верстах от Гульчи. 25 апреля они оказали упорное сопротивление отряду Скобелева, которому, тем не менее, удалось вытеснить киргизов с занимаемых позиций. Причем русским сильно помог сарыбагышский манап (Манап — правитель. - Прим. ред.) Шабдан Джантаев (1839-1912) —

давний сторонник империи с севера нынешнего Кыргызстана, принимавший участие в завоевании Кокандского ханства и в операциях против «Пулатхана», за что получил Георгиевский крест.

С наступлением лета алайцы вновь активизировались. В июне отряд из 400 человек появился неподалеку от реки Сох (к югу от Коканда), но был отогнан подразделением капитана Боголюбова, который преследовал повстанцев несколько дней и сжег по пути два аула. Одновременно с этим киргизами был убит и ограблен возвращавшийся из Каратегина российский дипломатический агент Ризахан-ходжа. Тем временем Абдуллабек засел в крепости Дараут-курган, откуда совершал набеги на Ферганскую долину. Против него был выслан полубатальон пехоты капитана Сполатбога. Встреченная ураганным огнем русская пехота не смогла выбить силы Абдуллабека с неприступных скал, понесла потери и вернулась в Маргелан. Все это начинало дурно влиять на лояльность вроде бы «усмиренного» населения Коканда и Ферганы, а потому российская администрация пришла к выводу о необходимости более энергичных мер.

Решительным сторонником «непрерывно особой экспедиции в Алайскую долину» с целью ее «немедленного приведения к покорности» был и сам генерал Скобелев, неоднократно докладывавший об этом начальству. Он и был назначен Кауфманом командующим Алайского отряда, которому предстояло выполнить невероятно трудную миссию.

М.Д.Скобелев

Кауфманом было предписано предпринять летом «движение в горы» с тем, чтобы «исследовать всю горную область и на месте принять целесообразные меры к полному подчинению нашей власти каракиргиз и возможному устранению волнений в будущем». В состав отряда были выделены: по одной роте от 2, 4, 14 и 15-го Туркменских линейных батальонов; две роты от 1-го Туркменского стрелкового батальона; саперная команда в 15 человек; конно-строительный дивизион; три сотни оренбургских и две сотни уральских

казаков; ракетная батарея из 8 станков и 4 горных орудия. Кроме того, в составе русских войск действовал летучий отряд Шабдана Джантаева из 40 джигитов. Экспедиция была разделена на три колонны: 1) Уч-Курганская, полковника Юния; 2) Ошская, подполковника Гарновского; 3) Гульчинская, подполковника Гардера.

Для научных исследований при отряде находились натуралист В.Ф.Ошанин, А.Р.Бонсдорф, занимавшийся астрономическими наблюдениями, и военный географ подполковник генерального штаба Л.Ф.Костенко. Колонны отряда сосредоточились на сборных пунктах 16 июля. Между тем, еще 12 июля в Маргелане Скобелев получил известие, что провозглашенный ханом Абдуллабек занял сильную позицию в урочище Шот (примерно в 50 километрах от Оша) и что киргизы намерены произвести ряд набегов в долину и завладеть Наукатом. Поэтому 14 июля Наукат был занят отрядом Меллер-Закомельского. Сам Скобелев решил начать движение Ошской колонной и частью Гульчинской колонны, разбить противника, сосредоточившегося у Шота, а затем действовать по обстоятельствам. 17 и 18 июля началось наступление в горы.

Скобелев повел Ошскую колонну через перевал Талдык. До урочища Янги-Арык русские войска дошли без стычек. Но перед входом в ущелье казаки доложили Скобелеву, что киргизы укрепились там, сожгли мосты через реку Белаули и под предводительством самого Абдуллы-бека готовятся дать ему отпор. Генерал, рассчитывая быстро покончить с мятежниками, приказал пехоте «прогнать халатников». Но киргизы оказали упорнейшее сопротивление. Скрываясь за каменными завалами, они метко отстреливались и отбили атаку. Тогда Скобелев решил обойти противника с тыла. Через пять дней разведчики собрали подробнейшие сведения о путях обхода позиции противника. С правого фланга, со стороны перевала Талдык, Абдуллабека обошел отряд под командой майора Ионова. Он зашел в тыл Абдуллабеку, восстановил под огнем неприятеля сожженный мост через реку и, пройдя по нему, занял позиции для атаки. Слева путь отступления к кургану Омарбека отрезали казачьи сотни под командой полковника князя Витгенштейна. Однако Абдуллабеку и его братьям Мамытбеку и Асанбеку ночью удалось уйти. Отряд Витгенштейна шел по пятам беглецов, но едва не погиб во время снежного бурана на берегу озера Кара-куль. Мятежным киргизам удалось уйти от погони и скрыться в Афганистане.

Пленение Курманжан-датки

Известия о сражении на Янги-Арыке дошли и до царицы Алая, и она со своим имуществом бежала к Кашгару. На границе ее ограбили кашгарцы, которые к тому же не пустили ее в пределы государства Якубхана. Курманжан-датка в сопровождении своего сына Камчибека и племянника Мирза-Паяса была вынуждена вернуться назад. 29 июля под местечком Бордаба на нее случайно вышли джигиты Джантаева, которые пленили ее и передали казакам князя Витгенштейна, а тот уже доставил ее к Скобелеву.

Сохранились весьма интересные воспоминания русского офицера Б.Л.Тагеева, очевидца пленения Курманжан-датки и ее встречи со Скобелевым: «В это время генерал Скобелев был в укреплении Гульче, и мне было поручено доставить к нему арестованную царицу Алая и ее двух батырей. Я очень обрадовался этому поручению. Войдя в юрту, где помещалась пленная, я увидел сидевшую на ковре по-азиатски киргизку небольшого роста, хотя немолодую, но красивую, одетую в парчовый халат, отороченный каким-то мехом, - это была датка.

Она грустно сидела, опустив голову. Перед нею стоял поднос, на котором лежали фисташки, кишмиш и другие туземные сласти. Царица Алая, по-видимому, размышляла о том, что произошло с ней за последнее время, и вся была погружена в свое горе. Она не сразу заметила появление офицера и только спустя несколько секунд, вздрогнув, взглянула на меня. Через переводчика я сказал ей, что назначен сопровождать ее до Гульчи, где находится теперь генерал Скобелев; она отнеслась совершенно равнодушно к

моим словам. «Я теперь раба русских, которые могут делать со мною что угодно, такая, значит, воля Аллаха», - ответила она через переводчика, и крупные слезы блеснули на узких прорезях ее глаз.

Медаль Скобелева «За покорение ханства Кокандского»

Через переводчика Курманджан-датке сказали, что завтра ее отвезут в русский лагерь. «Хоп, хоп, таксыр (Хорошо, хорошо, Ваше благородие)», - сказала она и кивнула головой в знак согласия. Наутро конвой отправился в путь. Казаки конвоировали пленных. Датка бодро сидела в седле, одетая в бархатную шубейку с галунами и шапочку с парчовым верхом, отороченную мехом.

Подъезжая к Ляангару, я заметил около домика почтовой станции большое сборище киргизов и казаков, которые сообщили, что генерал едет на Алай и остановился здесь для отдыха. Я приказал доложить о себе, и тотчас же был принят. Сообщив о цели своего приезда, я получил приказание ввести в дом пленных. Датка в сопровождении Камчибека и Мирза-Паяса вошла в комнату. Оба отвесили низкий поклон, пленная же царица стояла молча, наклонив голову. Скобелев встал, подошел к ней и протянул руку. Датка, по-видимому, растерялась, она не ожидала такого приема, и радостная улыбка озарила ее лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то по-киргизски. «Скажите Датке, - обратился Скобелев к стоявшему здесь переводчику-киргизу, поручику Байтакову, - что я очень рад видеть ее в добром здоровье и надеюсь, что она, пользуясь своим огромным значением на Алае, повлияет и на кочевое население склониться к миру и подчиниться требованиям России. Я много слышал о ее мудром управлении и том значении, которое заслужила она у соседних ханов, а потому уверен, что Датка поймет бесполезность враждебного отношения к русским. Передайте ей, - сказал генерал, когда переводчик перевел часть его речи, - что она, как мать, может гордиться своими сыновьями. Абдуллабек свято исполнил свой долг и ушел лишь тогда, когда бороться уже было немислимо. Но пусть она знает, что русские умеют ценить храбрость врагов. Если она сумеет склонить своих сыновей покинуть Афганистан и возвратиться на Алай, то я награжу их, как подобает награждать героев, а теперь я прошу Датку принять достархан».

И генерал приказал принести, по туземному обычаю, огромный поднос, на котором целою горою возвышались туземные угощения; вслед за тем он собственноручно надел на пленницу парчовый почетный халат и обратился к батырям, увещевая их верно служить России».

Завершение экспедиции

Между тем, развитие событий подтвердило правильность замысла Скобелева, предполагавшего одновременное наступление всех трех колонн: местность при слиянии рек Шот и Ак-Буры, где собралось около 2000 повстанцев и выход на которую был

защищен каменным завалом, была очищена без боя и занята частями Ошской колонны. Авангард ее продвинулся вперед, занял аулы бежавших киргизов и завладел найденным здесь скотом. Сюда же вышла и колонна майора ИONOVA. Отряд Витгенштейна двинулся вслед за отступавшим с урочища Шот противником на перевал Каинды. Туда же двинулся и Скобелев, который, убедившись в невозможности настичь здесь противника и опасаясь без запаса продовольствия удалиться от Оша, вернул соединенные колонны в урочище Шот. К 31 июля Гульчинская колонна и отряд Витгенштейна, перейдя Алайский хребет по перевалу Сарык-могол, пришли в Алайскую долину, к 6 августа сюда прибыла Ошская колонна и 14 августа - Уч-Курганская. Войскам приходилось преодолевать невероятные трудности и лишения при движении по снеговым перевалам, подъем на которые был возможен иногда только по ступеням, вырубаемым в обледенелых скалах.

За это время отдельными летучими отрядами преследовались бежавшие во все стороны группы повстанцев и велись переговоры с местными лидерами. В результате к Скобелеву начали прибывать многочисленные депутации кочевников, которые заявляли о прекращении сопротивления, переходе под власть Российской империи и согласии уплатить назначенную контрибуцию поставкой лошадей для отряда и устройством колесной дороги Гульча-Алай через перевал Талдык-даван.

7 августа Скобелев выступил из Арча-Булака для обзора кашгарской границы. При этом выяснилось, что Якубхан, пользуясь ослаблением ханской власти в последние годы царствования Худояра, безо всякого соглашения присоединил южные склоны Алая. Не довольствуясь пограничной водораздельной линией, он распространил свои владения на верховья реки Тары, у Узгента, впадающей в Кара-Дарью. Таким образом, часть киргизов, теперь подвластных российской короне, попала в подчинение Кашгару. Кроме того, на верховьях Тары Якубхан построил укрепление Ойтал, а позади Иркшитана - укрепление Улук-Чаш, что давало возможность кашгарским властям влиять на киргизов, кочующих по Тару и Кара-Дарье. На Алайке же, как докладывал впоследствии Скобелев, «могут укрываться, как уже это и было, беспокойные элементы и не желающие платить зякет (подати)».

Улаживание пограничных вопросов привело к тому, что весь отряд оставался в долине Алая до 28 августа. С места последней стоянки у Дараут-Кургана Скобелев произвел рекогносцировки ущелья Алтып-Дара и долины Мук-Су и, наконец, во главе большей части отряда выступил обратно в Коканд, через перевал Кара-Казык. Путь этот был опять же чрезвычайно труден: идти пришлось по леднику, засыпанному камнями. Тем не менее, 1 сентября отряд вышел к Вуадилю - кишлаку, лежащему у подножья гор, но уже в Ферганской долине. Остальные части отряда оставались на Алае до 15 сентября, производя рекогносцировки и исследования и разгоняя уцелевшие группы повстанцев.

В ходе экспедиции Скобелев никогда не забывал ученых, находившихся в отряде, и оказывал им всяческую помощь. Результаты не замедлили сказаться. Как уже отмечалось, до 26 тысяч верст было нанесено на карту, причем с определением 11 астрономических пунктов. Кроме того, произведено 42 барометрических измерения от Коканда до перевала Уч-Бель-Су; определено магнитное склонение на 5 пунктах, собраны богатые естественно-исторические коллекции.

Пик Скобелева (5051 метр, Алайский хребет, Кыргызстан)

В своей докладной записке от 23 октября 1876 года Скобелев большое внимание уделил, выражаясь современным языком, вопросам геополитики. Касаясь проблемы границ с Кашгаром, он доказывал, что «мириться с такими границами немислимо, как потому, что это лишает нас удобных административных пунктов для управления нашими горными подданными, так и еще главным образом потому, что мы не должны допускать чьего бы то ни было влияния на них, кроме нашего». Настаивая на «признании всего Ферганского Тянь-шаня нашим», генерал предлагал основать «на нашей новой кашгарской границе в том виде, в котором я осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство ее признать», казачьи станицы и даже целое казачье войско, «раз навсегда обеспечивающие нам действительное обладание горной полосой и обеспечивающие власть в крае русского элемента». Скобелев считал «венцом наших усилий в Среднеазиатском вопросе» способность «занять относительно Азиатских Британских владений такое угрожающее положение, которое облегчило бы решение в нашу пользу трудного восточного вопроса — другими словами: завоевать Царьград своевременно, политически и стратегически верно направленной демонстрацией». Вскоре началась русско-турецкая война, и Скобелев покинул Туркестан, направившись на Балканский театр военных действий, где ему довелось подтвердить свои исключительные полководческие качества.

Царственная вдова

Таким образом, в результате экспедиции Скобелева Алай «с 17380 семействами» был присоединен к России. На этой территории было образовано пять волостей: Кичи-Алайская, Наукатская, Гульчинская, Узгенская и Ак-Буринская, которые вошли в состав Ошского уезда. Интересно, что управлять ими назначили сыновей Курманжан-датки: Оморбека, Камчибека, Асанбека и Батырбека. Дело в том, что еще при свидании со Скобелевым «царица Алая» дала генералу обещание, что пока она живет на свете, на Алае будут мир и покой. И Скобелев оказал ей полное доверие, разрешив свободно жить, где она хочет. Чтобы уберечь свой народ от кровопролития, Курманжан-датка «официально» объявила о присоединении алайских киргизов к России. В ее письме ферганскому военному губернатору Ионову говорилось: «Когда Ферганское мусульманское государство не признавало еще Россию, я воевала и спорила с Вами... В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет

изменником, тогда накажу виновного самой тяжелой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих».

Из Афганистана возвратились ее сыновья Мамытбек и Асанбек и много других киргизов. Только лишь Абдуллабек не вернулся на Алай, а ушел в Мекку, но не перенес тяжелого и опасного пути и умер в дороге от ран.

Скобелев подтвердил титул Курманжан. Она оставалась богатой, владела многочисленным поголовьем и пользовалась огромным авторитетом у киргизов. Российские газеты и журналы конца XIX века переводили ее титул просто: царица. Царственная вдова пользовалась большой популярностью не только в прессе. Есть сведения, что тот самый Шабдан Джантаев (он получил чин войскового старшины, в 1883 году находился в составе туркестанской делегации на коронации Александра III) сватался к царице. В результате предполагавшегося династического брака впервые могли бы объединиться юг и север Кыргызстана. Но Курманжан отвергала все брачные предложения.

Не только представители туркестанской колониальной администрации, но и сам российский император дважды удостоил ее своим вниманием: один раз он пожаловал Курманжан-датку дорогим перстнем с драгоценным камнем, в другой - подарил золотые часы, осыпанные бриллиантами. Она пережила восемь генерал-губернаторов. Каждый из них старался повидать ее и оставил ей какой-либо ценный подарок на память. Курманжан была внесена в реестр правящих фамилий двора Романовых, получила чин полковника, к ней обращались «Ваша светлость».

Курманжан-датка и Карл Маннергейм

Однако все эти почести не уберегли Курманжан от личной трагедии. В 1893 году двое ее сыновей и два внука были обвинены в контрабанде, а любимый сын Камчибек, правитель Оша, - в убийстве таможенного чиновника. История эта остается довольно темной и неясной до сих пор, но тогда все кончилось очень плохо. Даже Курманжан со своим влиянием не смогла выручить сыновей и внуков. Все ее прошения, а также ходатайства влиятельных русских друзей, были отклонены, Камчибека повесили, а остальных сослали в Сибирь. Согласно народной молве, верные киргизы предлагали ей силой отбить осужденных, но Курманжан отказалась, сказав: «Горько осознавать, что уйдет в мир иной мой младший, но я никогда не перенесу того, что из-за моего сына погибнет мой народ. Не будет мне тогда ни на том, ни на этом свете оправдания».

Казнь сына нанесла Курманжан глубочайшую душевную травму. Она раздала свое имущество и уединилась в родном аиле. В 1906 году ее посетил полковник гвардии Карл Маннергейм, по заданию генерального штаба совершавший продолжительное путешествие по Азии. Будущий финский маршал и президент Финляндии свидетельствовал, что Курманжан была окружена искренней любовью и всенародным почитанием. Умерла она в 1907 году в возрасте 96 лет. Ее похороны превратились в своего рода неформальный курултай (съезд). «Алайскую царицу» похоронили на кладбище Сары-Мазар с видом на священную ошскую Сулейман-гору.

Михаил Калишевский